

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИСТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ¹

Н.Е. ТИХОНОВА,

доктор социологических наук, профессор,
заместитель директора Института социологии РАН,
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
e-mail: ntihonova@hse.ru

Выдвижение в последние годы на первый план задач модернизации страны актуализировало проблему ее человеческого потенциала. В статье выделены и описаны семь групп российского общества, различающихся своими нормативно-ценностными системами. Подробно анализируются характеристики модернистски ориентированных групп российского общества и рассматривается их человеческий потенциал. Делаются выводы о той роли, которую эти группы могут сыграть в процессах модернизации России. Показано, как территориально распределен наиболее качественный человеческий потенциал.

Ключевые слова: человеческий потенциал, субъекты модернизации, модернизация, культурная динамика.

The tasks of modernization of Russia which came into foreground during recent years brought the problem of its human potential into focus. Seven groups with different systems of norms and values that exist in Russian society today are defined and analyzed in the article. Characteristics of modern-oriented groups of Russian society are analyzed in detail, as well as their human potential. Conclusions about the role these groups can play in modernization processes in Russia are made. It is also shown how human potential with the highest quality is distributed in terms of location.

Keywords: Human potential, actors of modernization, modernization, cultural dynamics.

Коды классификатора JEL: Z10, Z13.

Выдвижение в последние годы на первый план задач модернизации страны неизбежно актуализировало проблему ее человеческого потенциала. И это понятно: ведь в современной экономике, основанной на знаниях, именно «человеческий фактор» выступает в числе ключевых предпосылок успешности на мировой арене. Опыт кризиса 2008 г., а также выхода из него европейских стран со сходным уровнем экономического развития, но разными культурными традициями, прямо сказывающимися на качестве человеческого потенциала их населения (например, Греции и Литвы, Испании и Ирландии и т.п.), еще раз наглядно это продемонстрировал. Неслучайно в современной экономической науке для оценки национального богатства страны используется, наряду с другими, и показатель запасов такого нематериального ресурса, как человеческий капитал. По оценкам Всемирного банка, вес человеческого капитала в структуре национального богатства 192 стран мира уже в середине 1990-х гг. достигал 64% [7, С. 280]. По другим расчетам, на начало XXI в. эта доля по миру в целом составила 66%, а для России в частности — 50% [3, С. 37].

В то же время, само понятие человеческого потенциала, уже прочно завоевавшее себе место и в экономической, и в социологической науках, не имеет пока четкого и всеми признанного определения. Наиболее известная его трактовка связана с разработкой в начале 1990-х гг. груп-

¹ Данная статья подготовлена в рамках работы по проекту «Культурная динамика российского общества и перспективы модернизации России» № 11-03-00561а, выполняемому при финансовой поддержке РФНФ.

пой экспертов Программы развития ООН новой концепции развития (*Human development*). Эта концепция возникла в качестве противовеса традиционному пониманию развития как простого роста объема материальных благ и услуг. Человеческое развитие рассматривалось в ней уже не только как предпосылка экономического роста в целом (при таком подходе, господствовавшем при экономическом детерминизме, главным была экономическая ценность индивида), а как самостоятельная цель и критерий общественного прогресса. Соответственно, во главу угла ставились уже не показатели «прироста угля и стали», и даже не показатели прироста ВВП, а то, как все это сказывается на развитии самого человека через расширение для него жизненных шансов благодаря росту продолжительности жизни, образования и дохода. Именно на основе этой концепции и был разработан Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), впоследствии — Индекс человеческого развития (ИЧР), показатели которого публикуются в ежегодных Докладах Программы развития ООН с 1990 г.² При расчете этого Индекса, выступающего одним из ключевых социально-экономических индикаторов для международных сравнений, используются показатели, отражающие состояние здоровья (ожидаемую продолжительность жизни при рождении в годах), образования (ожидаемая продолжительность обучения в годах) и экономических предпосылок благосостояния населения (определяемых через учет показателей валового национального дохода (ВНД) на душу населения (в долл. США по ППС на 2005 г.), а также рейтинг по ВНД на душу населения минус рейтинг по ИЧР).

Однако такая трактовка человеческого потенциала, как и показателей его развития, не устраивает в полной мере ни экономистов, ни социологов. Экономисты, традиционно использовавшие понятие человеческого капитала, а не человеческого развития или человеческого потенциала, традиционно включают в человеческий капитал приобретение в течение всей жизни общих и специальных знаний и навыков в процессе подготовки на рабочем месте, обучения в формальных образовательных учреждениях или мобильности [1, С. 49–89]. В то же время уже в работах самого Г. Беккера понятие человеческого капитала начало трактоваться и более широко — как не только овладение новыми навыками и совершенствование уже имеющихся, но и улучшение физического и эмоционального состояния человека. И хотя сам Беккер объяснял это тем, что накоплению человеческого капитала способствуют любые меры, улучшающие перспективы получения заработков путем удлинения продолжительности времени, в течение которого можно заниматься оплачиваемой работой, однако, по сути дела, он говорил о двух разных объектах изучения: человеческом капитале как совокупности знаний и навыков (как связанных с конкретным рабочим местом, так и с производительным трудом вообще) и человеческом потенциале, отражающем не только состояние знаний и навыков конкретного индивида, но и другие, не менее важные аспекты его потенциала (здоровье, психологическое состояние, адаптационные возможности и т.д.). Эти характеристики, с одной стороны, действительно влияют на его ценность как работника и перспективы отдачи от инвестиций в его человеческий потенциал, а с другой — «в снятом виде» отражают качество жизни каждого конкретного индивида.

Именно этот аспект теории человеческого капитала Г. Беккера и получил в последние десятилетия мощный импульс к развитию, в частности стал основой концепции *Human development*. Однако за рамками в ней, несмотря на существенное изменение методологии при переходе от расчета ИРЧП к расчету ИЧР, по-прежнему остаются весьма интересующие экономистов вопросы отдачи от инвестиций в разные виды образования, влияние на экономическое поведение и возможности индивидов их культурного и социального капитала, формирующихся в ходе их жизненного пути, включая условия социализации, соотношения ментального (психологического) и физического здоровья и целесообразности инвестиций в них и др. Без ответа на эти вопросы невозможно оценить ни реальный уровень и возможности для человеческого развития в той или иной стране, ни качество ее человеческого потенциала.

Социологи, с другой стороны, подходя по сути дела к той же самой проблеме, при анализе человеческого потенциала обращают внимание прежде всего на разницу человеческого потенциала различных социальных групп и причины различий в возможностях его наращивания для их представителей. При этом они также трактуют обычно понятие человеческого потенциала достаточно

² По показателям ИРЧП (ИНД) Россия занимала в 2011 г. 66-е место из 187 стран [8], входя в группу стран с высоким уровнем человеческого развития. Однако в 2005 г. она занимала в рейтинге 62-ю строчку, т.е. ее отставание по этому показателю от развитых стран увеличивается.

широко, включая в него все вышеназванные характеристики человека или различные их комбинации. Однако, если экономистов интересует прежде всего отдача от инвестиций, то социологов — соотношение человеческого потенциала и качества жизни, социальных неравенств и особенностей человеческого потенциала, роль носителей человеческого потенциала различного типа в обществе и т.п.

Как видим, два этих подхода, связанных с расширительной трактовкой человеческого потенциала (т.е. включающей в него не только знания, образование, здоровье и уровень жизни, но и социально-психологическое состояние человека, его адаптационные возможности, культурный капитал, связанный с условиями первичной социализации, личностные качества — ответственность, специфику трудовых мотиваций, инициативность, исполнительность и т.д.), во многом перекликаются между собой, изучая по сути своей один объект — человеческий потенциал, — но под разными углами зрения.

Из всего многообразия возникающих на этом предметном поле вопросов, в данной статье я постараюсь сосредоточиться на том, что же представляет собой человеческий потенциал модернистски ориентированных групп российского общества (в той его части, которую можно было детально проанализировать с учетом имевшихся в моем распоряжении эмпирических данных), что члены этих групп представляют из себя как работники, а также какую роль они могут сыграть в процессах модернизации России.

Однако прежде чем отвечать на эти вопросы, необходимо объяснить, кого я имею в виду под модернистски ориентированными группами. Конечно, проще всего было бы включить в их состав тех, кто положительно воспринимает идею модернизации России, тем более что доля таковых в российском обществе весьма велика и составляет, как показывают результаты исследований, три четверти населения страны³. В то же время отношение к возможности реализации модернизационного проекта у россиян весьма скептическое: лишь менее четверти их полагают, что успешная его реализация может произойти в ближайшие 10 лет. При этом портрет тех, кто поддерживает идею модернизации, очень пестрый, а трактовка ими самой модернизации неоднозначна и очень далека от доминирующей как в науке⁴, так и в политике⁵. В большинстве своем россияне в настоящее время подразумевают под модернизацией искоренение коррупции, обеспечение равенства всех перед законом, повышение эффективности работы системы управления и т.д. И лишь четверть их считает важной стороной модернизационного проекта формирование инновационной экономики. Все это говорит о том, что вряд ли можно всех, положительно относящихся к идее модернизации как таковой, рассматривать как ее потенциальных акторов. Необходимо, видимо, искать другие пути выделения групп, которые, с учетом особенностей их нормативно-ценностных систем, могли бы выступить (стихийно или осознанно) как акторы процесса модернизации в России.

Такие группы были выделены мной на основе определения на десятках переменных использовавшегося для анализа массива с помощью факторного анализа 12 основных факторов — своего рода «мировоззренческих блоков» — составляющих каркас нормативно-ценностных систем россиян в части базовых принципов взаимоотношений в системе «личность–общество–государство». Затем на этой основе с помощью кластерного анализа были выделены группы, характеризующиеся различными комбинациями этих «блоков». Вряд ли стоит здесь подробно описывать методику их выделения: как и особенности нормативно-ценностных систем этих групп, она была

³ Речь идет об общероссийском исследовании Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010 г.). Подробнее о выборке этого исследования и его результатах см.: [Готово ли ...].

⁴ В науке существуют по меньшей мере три основных трактовки термина «модернизация»: 1) вслед за обыденным сознанием под модернизацией подразумеваются любые прогрессивные изменения; 2) употребляя это понятие, имеют в виду действия и усилия стран бывшего «третьего мира», направленные на то, чтобы сократить существующий разрыв между ними и развитыми странами. В этом случае модернизация ассоциируется обычно с движением по осям «Запад–Восток», «Север–Юг», «Центр–Периферия» и т.п. — в социологии эта трактовка термина «модернизация» используется начиная с работ американских функционалистов середины прошлого века; 3) модернизация понимается как синоним достижения «современности» (modernity), означающей комплекс социальных, политических, экономических, культурных, демографических и т.д. трансформаций, которые отражают тот скачок в социальном состоянии общества, переход его в качественно новое состояние, в ходе которого аграрные, традиционные общества становятся современными, «модернизированными». Эти трансформации проходили в различных странах мира в неодинаковой последовательности и с разной скоростью, но всегда были внутренне связанными и взаимообусловленными. Эта трактовка берет начало еще с работ Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, К. Маркса и других классиков социологической мысли, хотя большинство их термин «модернизация» для описания этого процесса не использовали.

⁵ Где ее ассоциируют обычно прежде всего с технико-экономической модернизацией.

достаточно подробно изложена недавно в этом же журнале [5]. Отмечу лишь, что гетерогенность нормативно-ценностных систем в современном российском обществе по итогам этого анализа стала очень наглядной, и что уверенного доминирования какой-либо одной модели нормативно-ценностных систем не просматривалось — численность всех 7 выделенных групп, различающихся типами своих нормативно-ценностных систем (далее для краткости, хотя и не совсем корректно, я буду называть их «мировоззренческие группы»), в российском обществе находится в диапазоне от 10 до 20%.

Три из них (условно названные мной «Последовательные традиционалисты», «Традиционалисты-этакраты» и «Разочаровавшиеся традиционалисты») — это мировоззренческие группы, нормативно-ценностные системы, которые достаточно четко демонстрируют характерные особенности сознания домодерновых обществ. Первую из них я условно назвала «Последовательные традиционалисты». Наиболее характерными особенностями этой группы выступают убеждения, что конкуренция вредна, что все перемены — к худшему, и нужно приспосабливаться к реальности, а не бороться за свои права, негативное отношение к демократии, модернизации, последовательная приверженность принципу уравнительности и т.п. «Традиционалисты-этакраты»⁶ во многом близки к «Последовательным традиционалистам». При этом к демократическим нормам жизни эта мировоззренческая группа настроена даже скептически, чем «Последовательные традиционалисты». Так, они в большинстве своем не считают необходимой оппозицию, не согласны с тем, что каждый гражданин имеет право отстаивать свои интересы при помощи демонстраций и забастовок. При этом, однако, в отличие от «Последовательных традиционалистов», группу характеризует позитивное отношение к конкуренции и переменам. Наконец, «Разочаровавшиеся традиционалисты», как и предыдущая группа, также демонстрирует сложность и неоднозначность протекания процессов перехода от нормативно-ценностных систем обществ традиционного типа к обществам модерна. Однако в ней разложение этой системы начинается как бы «с другого конца» — не с развития на микроуровне толерантности к конкуренции и т.п. с одновременным сохранением лояльности к нормам, на которых строится этакратическая модель развития, а с разрушения в первую очередь именно этих норм. Разочарование в традиционной модели взаимоотношений общества, личности и государства, разложение характерных для нее норм происходит у членов этой группы без одновременного формирования альтернативных им представлений, характерных для обществ модерна, что ведет к развитию среди них массовой аномии.

Еще две из выделенных мировоззренческих групп («Немодернисты» и «Протомодернисты») носят четко выраженный промежуточный характер. Для первой из них характерно пребывание в начале пути разложения традиционалистской модели нормативно-ценностных систем в отношении поведения отдельной личности, и, одновременно, довольно далеко зашедшее размывание норм этакратической модели развития общества. Однако на место этих норм приходит не аномия, как в кластере «Разочаровавшихся традиционалистов», а достаточно четкая альтернативная система ценностей, где у человека есть право заявить о себе и своих проблемах, хотя и не в тех формах, как в западных моделях демократии. При этом члены данной группы не уверены в своих силах и ждут помощи в решении своих проблем от государства. «Протомодернисты» несколько дальше продвинулись по пути к формированию нормативно-ценностных систем, характерных для обществ модерна. Хотя, как и в традиционалистски ориентированных группах, им присуще негативное отношение к индивидуализму, убеждение, что следование традициям важнее инициативности и поиска нового, а также представление о том, что хорошие руководители для России важнее хороших законов, в отличие от этих групп «Постмодернисты» в массе своей являются сторонниками общества равных возможностей, а не равенства доходов, положительно относятся к модернизации и демократии, признают пользу конкуренции, убеждены в праве человека отстаивать свое мнение даже если большинство придерживается другого мнения, не согласны с признанием права государства влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Специфическими особенностями их выступают также последовательная прагматическая ориентация и убеждение, что чего-то добиться можно только действуя сообща.

Наконец, что касается модернистски ориентированных групп, то их тоже две. Первая, самая массовая (20% всех россиян) — «Российские постмодернисты». Вторая, численность которой составляет 11% населения страны, — «Российские модернисты». О том, что мировоззрение представителей этих групп относится по своему типу к сознанию модерна, свидетельствуют, в частности, такие

⁶ Об особенностях «неозтакратических» или «позднеэтакратических» обществ см. [6]; об особенностях нормативно-ценностных систем, характерных для российского варианта этого типа обществ, см. [5].

общие особенности их членов, как ярко выраженный социальный динамизм (убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, позитивное восприятие перемен и т.д.), последовательная ориентация на собственные силы, нонконформизм. При этом, однако, каждая из этих групп имеет свои особенности, часть которых можно рассматривать как разные вариации мировоззрения *Modern Man*, в то время как другая часть не вписывается в его классический портрет, построенный на основе опыта социокультурной модернизации в странах западной культуры.

К числу наиболее характерных особенностей «Российских постмодернистов», позволяющих характеризовать их как носителей норм и ценностей не просто модерна, а постмодерна, относится прежде всего вторичность для них «материальной составляющей» их жизни. В то же время для представителей этой группы характерны и многие нетипичные для мировоззрения классического модерна и постмодерна взгляды. Так, например, при бесспорном признании ценности демократии как таковой для них характерны типичные для России представления о том, как должна выглядеть эта демократия, весьма далекие от классических представлений о ней⁷. Говоря о специфике мировоззрения другой модернистски ориентированной группы — «Российских модернистов» — прежде всего надо отметить, что, в отличие от «Российских постмодернистов», они последовательные индивидуалисты и придают очень большое значение материальной составляющей жизни. Кроме того, это единственная мировоззренческая группа, где доминирует убеждение, что природные богатства могут принадлежать кому-то, кроме народа или государства, и что государство не вправе ограничивать прав собственников распоряжаться своей собственностью. Однако значимость для «Российских модернистов» прав собственников не доходит у них до признания за отдельными людьми права собственности на то, что является «условием существования общности в целом»: основная масса их убеждена, что собственниками природных богатств должны быть территориальные сообщества или производственные коллективы, а не отдельные люди. Не вполне вписывается в нормы модерна и то, что члены этой группы связывают жизненный успех с везением, а не упорным трудом, и относительно чаще ориентированы на приспособление к реальности, а не на борьбу за свои интересы.

Довольно заметно различаются и представления этих мировоззренческих групп о демократии. «Российские постмодернисты» рассматривают демократию как самостоятельную ценность, и для них важно присутствие таких ее признаков как наличие представительных органов власти, возможность избрания президента страны в ходе общенародного голосования и т.п., хотя они и придерживаются взглядов на ряд вопросов в системе взаимоотношений «личность–общество–государство», весьма далеких от западных их аналогов. С «Российскими модернистами» картина иная. Они против вмешательства государства в экономическую и личную жизнь граждан, оппозиция для них — не помощник власти, а ее противник, среди них шире распространено убеждение в праве личности отстаивать свои интересы. Однако для них неважны институты демократии и гораздо менее значим закон как таковой, включая принцип равенства всех перед законом. При этом решающую роль они отводят личности и ее возможности влиять на ситуацию. И эта активистская позиция, за которой не стоит апелляции к обеспечивающим ее социальным институтам, распространяется у них на самые разные аспекты жизни — от оценки роли руководителей до выбора личных поведенческих практик.

Каков же человеческий потенциал этих групп, и что собой представляют структурные позиции, которые они занимают? Эти вопросы очень важны, так как, с одной стороны, только получив ответы на них, можно оценить модернизационный потенциал представителей этих групп; с другой стороны, как показал регрессионный и содержательный анализ, ключевую роль среди факторов, обуславливающих различия во взглядах представителей различных мировоззренческих групп, играет именно их человеческий потенциал.

Самые яркие и наиболее статистически значимые различия между выделенными мировоззренческими группами сосредоточены в сфере образования — как собственного образования их представителей, так и образования их родителей (см. табл. 1). Причем эти различия проявляются как объективно — в наличии тех или иных дипломов и аттестатов, так и субъективно — в степени удовлетворенности своим уровнем образования.

⁷ Так, например, в рамках этих представлений предполагается, что оппозиция должна помогать правительству в его работе, а не критиковать его и т.п.

Таблица 1

**Образовательный уровень и социально-профессиональный статус представителей
различных мировоззренческих групп, %**

Характеристики	Мировоззренческие группы						
	После- дова- тельные традици- оналисты	Традици- онали- сты- этакраты	Разо- чаровав- шиеся традици- оналисты	Немодер- нисты	Протомо- дернисты	Россий- ские постмо- дернисты	Россий- ские модерни- сты
<i>Образование собственное</i>							
Не выше среднего общего	34	22	31	39	31	15	29
Среднее специальное	43	47	47	42	37	38	33
Высшее и н/высшее	23	31	22	19	32	47	38
<i>Образование родителей</i>							
Оба не выше среднего общего	63	48	61	56	47	32	41
Хотя бы у одного среднее специальное	25	25	26	27	30	38	31
Хотя бы у одного высшее	6	17	7	12	13	12	8
Высшее у обоих	6	9	6	5	10	18	20
<i>Удовлетворенность своим человеческим капиталом и возможностями его обновления</i>							
Считают, что им уже удалось получить хорошее образование	34	40	30	38	41	54	48
Самооценка доступности необходимых им знаний как хорошей	18	26	13	25	25	34	44

ТERRA ECONOMICUS
2012
Том 10 № 1

Как видим, хотя доля лиц с высшим образованием среди россиян достаточно высока, этого нельзя сказать о ситуации с их родителями, что не может не накладывать своего отпечатка на общее качество человеческого потенциала населения страны. При этом для модернистски ориентированных кластеров, особенно «Российских постмодернистов», наиболее типичным выступает высшее образование. Более того, наличие высшего образования — один из важнейших факторов, влияющих на принадлежность к двум модернистски ориентированным группам, с одной стороны, и на снижение вероятности попадания в традиционалистски ориентированные группы — с другой. Так, среди гуманитарной интеллигенции 45% (при трети по массиву в среднем) попадают в состав двух модернистски ориентированных групп, и еще 12% относятся к «Протоимодернистам». В технической интеллигенции таковых 42% и еще 15% попадают в состав «Протоимодернистов». В то же время, среди тех, чей образовательный уровень не выше среднего общего, вероятность попадания в модернистски ориентированные группы не превышает 25%.

Однако для попадания не просто в число модернистски ориентированных групп, а в состав либо «Российских модернистов», либо «Российских постмодернистов» уровень образования играет гораздо меньшую роль, чем уровень образования родительской семьи, который, с одной стороны, заметно выделяет две эти группы на фоне остальных, а с другой — различается в них самих весьма существенно (см. рис. 1).

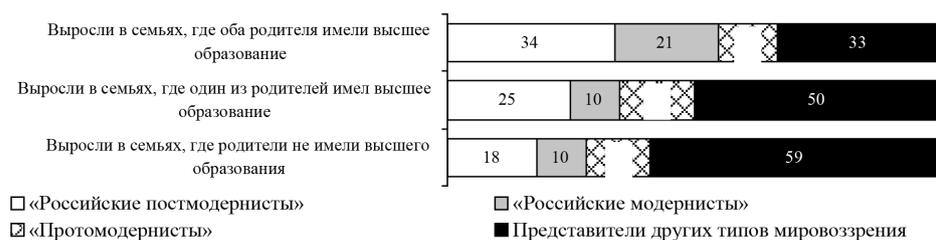

Рис. 1. Принадлежность к различным мировоззренческим группам в зависимости от уровня образования родителей, %

Интересно при этом, что, хотя россияне, выросшие в семьях, где только один из родителей имел высшее образование, примерно в трети случаев оказываются в составе двух модернистски ориентированных групп, и еще в 15% случаев — в числе «Протомодернистов»; такая маргинальная ситуация в родительской семье способствует и обратной тенденции — практически каждый четвертый среди них оказывается в составе «Традиционалистов-этакратов», т.е. «традиционалистов по убеждению», а не стихийных традиционалистов, как это характерно для наиболее пожилого кластера «Последовательных традиционалистов» или составляющих большинство в кластере «Разочаровавшихся традиционалистов» сельских жителей. Зато среди тех, кто вырос в семьях, где высшее образование имели оба родителя, представители двух модернистски ориентированных кластеров составляют уверенное большинство — 55%, и еще 12% составляют «Протомодернисты». Доля же «Традиционалистов-этакратов» среди них низка (12%, т.е. вдвое ниже, чем в семьях, где высшее образование имел лишь один из родителей).

Таким образом, культурный капитал, прямо связанный с первичной социализацией в более образованной среде, среди модернистски ориентированных групп выражен гораздо ярче, чем в остальных мировоззренческих группах. Учет различий их образовательного уровня позволяет предполагать, что именно в этих группах сосредоточена значительная, если не основная, часть человеческого потенциала страны в целом. Анализ показателей других компонентов их человеческого потенциала лишь подтверждает это предположение.

Так, например, столь важный в современной экономике показатель качества человеческого потенциала как способность и готовность к самообучению, поддержанию в течение всей жизни в ходе непрерывного образования качества своего человеческого капитала, в модернистски ориентированных группах имеет принципиальные отличия от ситуации в остальных группах (см. рис. 2). Это тем более важно, что этот компонент человеческого потенциала населения по стране в целом производит весьма удручающее впечатление — лишь половина работающих россиян за последние три года хоть как-то, по их собственному признанию, обновляла имеющиеся у них знания и навыки. В эпоху перехода к экономике знаний этого, конечно, явно недостаточно. При этом всего 16% их проходили различные формы повышения квалификации и 5% прошли переподготовку по новой для себя специальности, включая и тех, кто получил второе высшее образование. Наиболее распространенной формой пополнения знаний среди россиян является при этом повышение компьютерной грамотности — эта форма наращивания своего человеческого капитала характеризует 20% работающих россиян. Впрочем, и это не так много, учитывая скорость обновления компьютерных программ. При этом всего 3% работающих изучали иностранные языки, хотя известно, как остро стоит проблема с недостаточным владением ими в России.

Как видно на рис. 2, только в модернистски ориентированных группах свои знания пополняли теми или иными способами более половины их работающих представителей. Причем среди «Российских постмодернистов» это делали даже свыше двух третей, и это одно из наиболее ярких отличий между ними и остальными мировоззренческими группами. Более того, если, учитывая разницу образовательного уровня их членов, взять представителей разных мировоззренческих групп с одинаковым образовательным уровнем, то в каждом случае модернистски ориентированные группы, в отличие от остальных, будут характеризоваться отчетливо выраженной ориентацией на поддержание качества своего человеческого капитала. Так, среди тех, чей уровень образования не выше среднего общего, никак не пополняли своих знаний за последние 3 года около 90% традиционалистски ориентированных групп при 60% «Российских постмодернистов» и 66% «Российских модернистов». Для имеющих среднее специальное образование эти показатели составляют 65% с одной стороны, и 41 и 51% соответственно — с другой. По имеющим высшее образование, которое заведомо девальвируется без его постоянного обновления, данные показатели составили около 24% по традиционалистски ориентированным кластерам при 14% у «Российских постмодернистов» и 19% у «Российских модернистов». Таким образом, человеческий потенциал традиционалистски ориентированных кластеров не просто хуже на момент начала экономической активности — в течение трудовой жизни разрыв в качестве человеческого потенциала этих групп дополнительно усиливается.

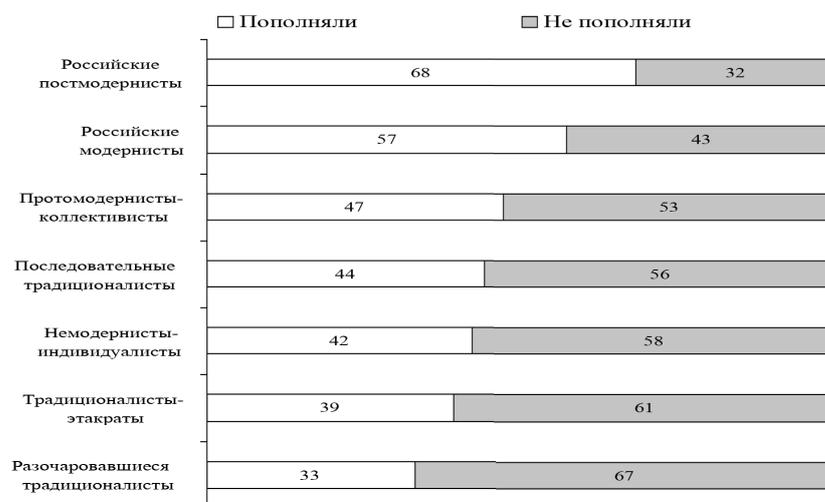

Рис. 2. Пополнение своих знаний за последние 5 лет в разных мировоззренческих группах, %⁸

Это не может не сказываться на особенностях их структурных позиций, прежде всего, их профессиональном статусе (см. табл. 2).

Таблица 2

Социально-профессиональный статус представителей различных мировоззренческих групп, %

Характеристики	Мировоззренческие группы						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
<i>Основные социально-профессиональные группы*</i>							
«Белые воротнички» (руководители, специалисты, технические служащие):	38	38	32	28	43	49	48
в т.ч. доля специалистов и руководителей	22	26	23	18	31	37	36
Работники сферы торговли и услуг	10	14	14	16	13	17	19
Рабочие	52	45	52	53	38	31	32
Справочно: Доля пенсионеров в каждой мировоззренческой группе	33	25	27	20	20	12	11
<i>Специфика профессиональных позиций</i>							
Считают, что могут оказывать влияние на принятие решений у себя на работе	31	30	35	32	58	50	54
Считают, что имеют престижную работу	19	21	15	16	23	27	32
Считают, что имеют возможность реализовать себя в профессии	23	23	18	26	36	34	43
Работают в госсекторе	42	39	26	30	32	40	38

* В таблице представлены не все профессиональные группы, а только те, численность которых была достаточно велика для анализа (отсутствуют предприниматели, самозанятые, безработные и т.п.). Кроме того, цифры приведены только по работающим, которые приняты за 100%, а доля пенсионеров справочно дана отдельной строкой.

⁸ Данные приведены по работающим представителям соответствующих групп.

Как видим, профессиональный статус и конкретные характеристики рабочих мест (ресурс влияния, престижность, возможность самореализации и т.п.) у представителей модернистски ориентированных групп, с одной стороны, и остальных мировоззренческих групп — с другой, различаются достаточно сильно. Практически половина первых — это «белые воротнички», а доля рабочих среди работающих их представителей составляет менее трети. У «Протомодернистов» это соотношение выглядит как 43/38. В остальных же кластерах доля «белых воротничков» находится в диапазоне 28–38%, а типичным профессиональным статусом их членов является статус рабочего. При этом для групп руководителей и специалистов типично пребывание в модернистски ориентированных группах, служащие дают довольно пеструю картину, а рабочие более чем в 40% случаев с равной вероятностью попадают в кластеры «Последовательных традиционалистов» и «Разочаровавшихся традиционалистов».

Интересно также, что полюса шкалы («Последовательные традиционалисты» и «Традиционалисты-этакраты», с одной стороны, и «Российские модернисты» и «Российские постмодернисты», с другой) имеют практически идентичную картину по занятости в государственном секторе экономики. Однако экономическая отдача от занятости (рента на их человеческий потенциал) у представителей этих мировоззренческих групп различается довольно заметно. Так, например, индивидуальный доход менее медианных по стране доходов имеют 47% работающих представителей традиционалистски и 31% — модернистски ориентированных групп. Та же тенденция сохраняется и при контроле уровня образования или места жительства представителей разных мировоззренческих групп⁹.

Наиболее заметные различия в уровне доходов характерны для представителей разных мировоззренческих групп без специального профессионального образования. Видимо, при низких показателях качества человеческого капитала решающую роль при занятости более благоприятных рабочих мест начинают играть другие компоненты человеческого потенциала, которые также разнятся в модернистски и традиционалистски ориентированных группах достаточно заметно, причем в пользу первых. В первую очередь я имею в виду специфику их трудовых мотиваций (см. табл. 3), а также их физиологический ресурс.

Таблица 3

Личностные особенности разных мировоззренческих групп, %¹⁰

Характеристики жизненных планов и трудовых мотиваций	Мировоззренческие группы						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Задача сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную) отсутствовала в жизненных планах	51	45	41	38	27	26	35
Задача стать богатым человеком отсутствовала в жизненных планах	41	38	27	27	26	28	24
Задача иметь собственный бизнес отсутствовала в жизненных планах	54	49	43	41	40	40	36
Очень важно, чтобы работа давала возможность продвигаться по службе	36	34	38	43	48	55	48
Работа важна для них как способ самореализации	26	22	32	25	53	46	35
Очень важно, чтобы в работе присутствовали элементы разнообразия	22	17	24	22	37	33	33

⁹ Наиболее типичным местом жительства представителей модернистски ориентированных мировоззренческих групп выступают крупные города. Для «Российских постмодернистов» это прежде всего города-миллионники (32%) и города с численностью жителей от 500 тыс. до 1 млн человек, где проживают еще 11% этой мировоззренческой группы. «Российские модернисты» также в трети случаев проживают в крупных городах. Однако свыше половины их, в отличие от «Российских постмодернистов», сосредоточены и в так называемой «малой России» — городах численностью до 100 тыс. человек, поселках городского типа и селах. В то же время в традиционалистски ориентированных кластерах в «малой» России проживает свыше половины группы, а среди «Разочаровавшихся традиционалистов» — даже три четверти.

¹⁰ Данные приведены по работающим представителям соответствующих групп.

Из данных табл. 3 понятно также, что уровень запросов модернистски ориентированных групп изначально выше. Однако, несмотря на это, они в большей степени удовлетворены своим социальным статусом в обществе. Это косвенно отражает тот факт, что задачи, которые они перед собой ставили, им в целом удалось реализовать. Так, например, средний балл самооценки своего социального статуса по 10–балльной шкале, где 10 — это низшая, а 1 — верхняя позиция, составляет для них 6 баллов при 7 баллах в традиционалистски ориентированных кластерах.

Таким образом, человеческий потенциал страны не просто все больше сосредотачивается в модернистски ориентированных группах, но и приносит им определенную экономическую отдачу, причем включающую не только большие доходы, но и, что очень важно в свете особенностей ценностей россиян, так называемые нематериальные бонусы — от более благополучного самоощущения своего места в обществе до интересной работы.

Однако человеческий потенциал имеет еще один компонент — состояние здоровья. А оно, в свою очередь, зависит в России при прочих равных прежде всего от возраста. Поэтому весьма существенно, что представители разных мировоззренческих групп заметно различаются также по обоим этим компонентам их человеческого потенциала (см. табл. 4).

Таблица 4

Возраст и самооценки здоровья в разных мировоззренческих группах, %

Характеристики	Мировоззренческие группы						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомернисты	Российские постмернисты	Российские модернисты
<i>Возраст</i>							
До 30 лет	12	23	17	24	22	37	41
31–40 лет	19	19	26	22	18	24	24
41–50 лет	20	24	20	23	26	18	17
51–60 лет	22	15	15	13	20	14	11
Свыше 60 лет	27	19	22	17	15	7	6
<i>Самооценки состояния здоровья</i>							
Хорошо	20	25	24	29	33	37	42
Удовлетворительно	61	62	58	56	56	57	49
Плохо	19	13	18	15	11	6	9

Как видно из таблицы 4, модернистски ориентированные группы заметно моложе, а здоровье их гораздо лучше. Причем тенденция относительно лучшего здоровья у представителей модернистски ориентированных групп сохраняется и в отдельных возрастных когортах. Так, например, в возрастной когорте 31–40 лет оценивают свое здоровье как хорошее 30% традиционалистски ориентированных групп и 42% — модернистски ориентированных, а в когорте «за 60» это соотношение выглядит уже как 5% и 12%. С другой стороны, в этой же возрастной когорте 46% представителей традиционалистски ориентированных групп и лишь 29% из числа модернистов этого же возраста оценивают свое здоровье как плохое.

Разница в состоянии здоровья различных мировоззренческих групп обуславливается рядом факторов — от специфики профессиональной структуры этих групп до различий их отношения к своему человеческому потенциалу, проявляющихся как в отношении к поддержанию уровня своих знаний, так и сохранения здоровья. Накапливаясь с возрастом, эти факторы приводят к тому, что представители разных мировоззренческих групп имеют существенно разный уровень здоровья. В итоге различается и продолжительность периода их экономической активности — по достижении пенсионного возраста представители модернистски ориентированных групп продолжают работу вдвое чаще.

Преимущество в этом компоненте человеческого потенциала модернистски ориентированных групп весьма существенно, т.к. лишь чуть более трети (35%) работающих россиян оценивают свое здоровье как хорошее. Таким образом, и с этим компонентом человеческого потенциала ситуацию

в России в целом вряд ли можно считать благополучной. И хотя в модернистски ориентированных группах картина выглядит относительно лучше, но и там она отнюдь не кажется благополучной — большинство в них все же не считает свое здоровье хорошим.

При этом «Российские постмодернисты» несколько старше, чем «Российские модернисты» (в среднем на два года). В то же время, с учетом того, насколько моложе на фоне других кластеров выглядят обе эти группы, это различие не очень существенно. Разница в возрасте модернистски ориентированных и остальных мировоззренческих групп не означает, впрочем, что различия между ними — это возрастное деление населения страны, поскольку даже среди молодежи до 30 лет модернистски ориентированные группы не составляют большинства (см. рис. 3).

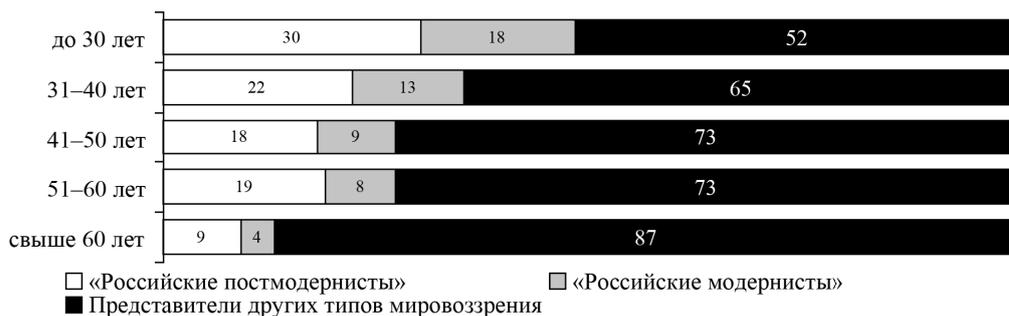

Рис. 3. Доля модернистски ориентированных групп в разных возрастных когортах, %

Подведем итоги

Общее качество человеческого потенциала населения России, несмотря на весьма высокие на общемировом фоне показатели числа лиц с высшим образованием, оставляет желать лучшего. Особенно тревожной выглядит ситуация с такими компонентами этого потенциала, как навык непрерывного самообразования и саморазвития, а также ситуация со здоровьем населения. В этих условиях особенно актуален вопрос о человеческом потенциале групп, которые потенциально могли бы выступить акторами модернизации.

Такие группы в России сегодня не просто есть — они являются действительно массовыми и насчитывают не менее трети населения. К числу наиболее значимых факторов, определяющих попадание в эти группы, относятся факторы, большинство которых так или иначе связаны с качеством человеческого потенциала их представителей. Это собственный уровень образования их членов, уровень образования их родителей, возраст, а также место жительства. Кумулятивный эффект от действия этих факторов приводит к тому, что члены модернистски ориентированных групп оказываются на ключевых позициях в российской экономике. Учитывая также их пространственную локализацию (наиболее типичным местом жительства представителей модернистски ориентированных групп выступают крупные города) можно говорить о том, что влияние их на конкурентоспособность российской экономики и развитие российского общества в целом будет по меньшей мере сопоставимо с влиянием на них остального населения страны.

Человеческий потенциал обеих модернистски ориентированных групп заметно отличается в лучшую сторону от человеческого потенциала остальных россиян, причем это касается как рассмотренных в данной статье, так и оставшихся за ее рамками его компонентов (человеческого и культурного капитала, включая образовательный уровень, набор востребованных современной экономикой навыков, способность к самообучению и т.д.; специфики трудовых мотиваций и пространственности ценностей достижения и успеха; адаптационных возможностей и социально-психологического состояния; физиологического ресурса, прежде всего здоровья; пространственной и психологической мобильности и т.д.). Более того, можно сказать, что качественный человеческий потенциал страны сосредоточен в основном в двух этих мировоззренческих группах.

Однако при этом человеческий потенциал модернистски ориентированных групп не стоит и идеализировать. В них, как и среди россиян в целом, недостаточно распространено внимание к необходимости поддержания и обновления своего человеческого капитала, отнюдь не идеальна картина со здоровьем членов этих групп и т.п. Кроме того, картина с человеческим потенциалом двух рассмотренных в статье модернистски ориентированных групп различается довольно замет-

но, и по одним его компонентам лидером оказывается группа, условно названная мной «Российские модернсты», а по другим — «Российские постмодернсты», хотя в целом человеческий потенциал последних относительно лучшего качества, чем первых. При особенностях их пространственной локализации это значит, что наиболее качественный человеческий потенциал сосредоточен в крупных (от 500 тыс. населения) городах, и именно они могут выступить точками роста и модернизации российской экономики.

Анализ как взглядов, так и состава и качества человеческого потенциала модернистски ориентированных групп позволяет утверждать, что в «большой» России есть объективные предпосылки успешного развития не только технико-экономической (технологической) модернизации, но и модернизации социальной и социокультурной сфер жизни общества. Вероятность успешной реализации модернизационного проекта даже в отношении этих его составляющих в «малой» России неопоставимо меньше. Что же касается политической модернизации, то, хотя она не является приоритетной даже для модернистски ориентированных групп, требования равенства всех перед законом, ликвидации коррупции и обеспечения права высказывать и отстаивать свое мнение выступают со стороны их членов четко артикулированным запросом к власти. Учитывая же, что эти требования все больше превращаются в норму и для остального населения страны, игнорировать их становится уже невозможно даже при отсутствии полномасштабной политической модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. / Сост., науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников; предисл. М.И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., Весь Мир, 2010.
3. Материалы заседания Круглого стола «Образование и развитие человеческого капитала». Препринт WP5/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. Тихонова Н.Е. Наследие империи в общественном сознании россиян / Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И.Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2008.
5. Тихонова Н.Е. Особенности нормативно-ценностной системы российского общества через призму теории модернизации // Terra ecomomicus, 2011. Т. 9. № 2.
6. Шкаратан О.И. Становление постсоветского неозакратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1.
7. Human Development Report 2010. UNDP, 2010. URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2010_EN_Complete_reprint.pdf.
8. Human Development Report 2011. UNDP, 2010. URL: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2011/download/ru/> и URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_RU_Tables.pdf.